

Поспѣловъ-Шахматовъ.

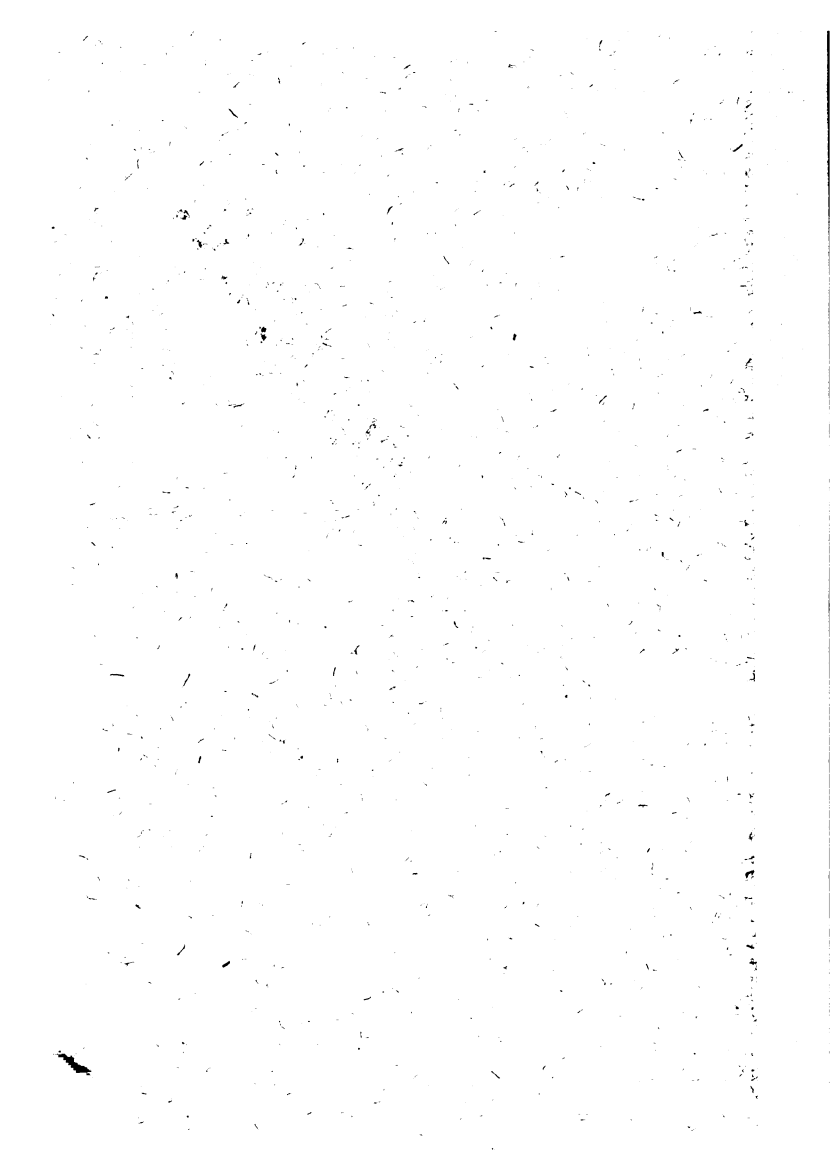
Цѣна 50 коп.

СѢВЕРО-ДВИНСКІЙ КРАЙ.

Путевыя Очерки.

МОСКВА.

Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка.
1895.

Поспѣловъ-Шахматовъ.

СѢВЕРО-ДВИНСКІЙ КРАЙ.

МОСКВА.

Типографія А. Г. Кольчугина, Волхонка, д. Воейковой.

1895.

Дозволено цензурою. Москва, 14 Июня 1895 г.

I.

Г. Вельскъ. Приготовленіе къ отъѣзду. Отъѣздъ.
Картины природы. Жители прибрежныхъ деревень.
Торговля. Граница Архангельской губерніи.

Городъ Вельскъ (Вологодской губерніи), стоящій при впаденіи рѣки Вели въ Вагу, — ничѣмъ не замѣчателенъ. Это скажетъ вамъ даже природный вельскій обыватель. Такихъ городовъ много на бѣломъ свѣтѣ, а особенно на сѣверѣ. Немножко живописный, невыразимо грязный весной и отвратительный во всякое время года для избалованнаго жителя столицы. Физіономія города обрисовуется вполне, если прибавить къ этому сонныхъ, вѣчно чѣмъ-то недовольныхъ жителей, базаръ съ неизбѣжной вонючей

82 - B38321-1
1135(188)

треской и свѣжими сельдями, мѣстную команду солдатъ, снующихъ поодиночкѣ на улицахъ съ сапогами подъ мышкой, стадо куропатокъ въ зимнее время на городскомъ бульварѣ, русаковъ въ садахъ и т. д.

Вотъ въ этомъ-то городѣ судьба вынудила меня прожить нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ. Но наступилъ май, и я получилъ возможность оттуда уѣхать. Со страхомъ и трепетомъ помышляя о губительной тряскѣ мѣстныхъ экипажей на трехсотверстномъ разстояніи, я сталъ готовиться въ путь, какъ внезапно былъ осяненъ счастливою мыслью совершить путешествіе инымъ, менѣе безпокойнымъ способомъ. Я вздумалъ ѣхать до Вологды водою, причемъ разстояніе отъ Вельска до пристани Березники на С. Двинѣ проплыть на лыжахъ, а уже съ Березниковъ по С. Двинѣ и Сухонѣ до Вологды—на пароходѣ. Такимъ образомъ, вмѣсто

того, чтобы отправиться на югъ, я ѣхалъ на сѣверъ, вмѣсто 300 верстъ, долженъ былъ ѣхать водою 1200, но меня это не пугало. Прежде чѣмъ начать свой рассказъ, не будетъ лишнимъ познакомить читателя съ устройствомъ лыжъ, на которыхъ я совершилъ путь по рѣкѣ Вагѣ и Двинѣ, тѣмъ болѣе, что подобнаго рода спортъ, какъ ѣзда на лыжахъ, насколько мнѣ извѣстно, не производился на большія разстоянія, ограничиваясь прудами.

Инструментъ этотъ очень легкомысленнаго устройства, настолько легкомысленнаго, что многіе москвичи, любители ѣзды на лыжахъ, нерѣдко, по неустойчивости этихъ послѣднихъ и блужданію центра тяжести, платились неожиданнымъ купаньемъ гдѣ-нибудь въ нечистой водѣ „Чистыхъ Прудовъ“.

Представьте себѣ двѣ полыя, къ концамъ заостренныя лыжины, пяти аршинъ

длины, къ верхнимъ доскамъ которыхъ привинчена площадка, а на ней стулъ. Лыжи приводятся въ движеніе весломъ о двухъ лопастяхъ. Вотъ и весь приборъ, годный для плаванья, а какъ впоследствии оказалось, и для нырнія въ водахъ сердитой рѣки Ваги и С. Двины.

Путешествіе свое я рѣшилъ совершить съ цѣлью ознакомленія съ природой и жителями центральной части Архангельской губерніи, а также меня привлекало ужение рыбы весной на такой рѣкѣ, какъ Вага, протекающая по дикимъ, лѣсистымъ мѣстамъ Шенкурскаго уѣзда.

Наступило 22 мая, день, назначенный мною для отъѣзда. Отославъ кой-какой багажъ на почту и захвативъ только самое необходимое для дороги—два складныхъ удилица, рыболовные принадлежности и револьверъ,—вечеромъ въ этотъ день я отправился, вмѣстѣ со своимъ

знакомымъ землемѣромъ В—мъ, владельцемъ лыжъ, на рѣку Вель къ тому мѣсту, откуда я долженъ былъ начать свое рискованное плаваніе.

Наконецъ все было устроено. Лыжи приняли другой видъ: вмѣсто стула поставленъ былъ ящикъ, съ привинченной къ задку спинкой, вмѣсто одного весла, на уключинахъ, вращавшихся въ гнѣздахъ привинченныхъ къ платформѣ прутьевъ, было два распашныхъ, 6-ти аршинныхъ. Платформу подняли выше, такъ какъ тахіумъ силы подъема лыжъ былъ 6 пудовъ, а вещей набралось порядочно: паруса съ мачтой - багромъ, цѣпь, топоръ, пара запасныхъ веселъ...

— Не забудьте телеграмму дать изъ Шенкурска, говорилъ мнѣ В—й, провожая меня по берегу, когда я отчалилъ. Я обѣщалъ и быстро поплылъ по Вели, провожаемый взорами небольшой толпы, собравшейся на берегу поглазѣть на ди-

ковинное зрѣлище. Вѣтеръ былъ противный. Лыжи сидѣли очень глубоко и при малѣйшемъ поворотѣ головы и туловища, подозрительно покачиваясь, погружались бокомъ. Вотъ показалась Вага. Я пріѣхалъ къ устью рѣки Вели, образовавшей съ Вагой длинный песчаный мысъ, называемый „стрѣлкой“, гдѣ я, незадолго передъ поѣздкой, удилъ рыбу.

Наконецъ я выплылъ на средину Ваги. Вѣтеръ, которому я, сидя на высокомъ ящикѣ, представлялъ большое сопротивленіе, сильно задерживалъ движеніе лыжъ. Волна плескалась о платформу. Вельскъ скрывался за горизонтомъ. Вага круто поворотила, берега стали высоки, и я, очутившись въ безвѣтренной сторонѣ, быстро поплылъ, держась фарватера. Проѣхавъ пригородныя деревни, перебравшись черезъ порогъ (переборъ), я былъ наконецъ въ глуши: крутые берега были сплошь покрыты лѣсомъ — ни

просѣки, ни поляны. Вага протекала какъ-бы по густой аллеѣ изъ лиственницъ, ели, березы. Вѣтра здѣсь не было, и тучи комаровъ съ жадностью бросились на меня, беззащитнаго противъ ихъ нападеній. Вотъ, наконецъ, показалась избушка. Около нея мальчикъ съ удочкой.

— Много-ли считаютъ отсюда до Вельска? крикнулъ я ему, быстро подѣхавъ ближе къ берегу.

Мальчикъ не то испуганно, не то съ удивленіемъ, широко раскрывъ глаза, смотрѣлъ на меня, ничего не отвѣчая. Я повторилъ вопросъ.

— Пятнадцать верстъ, а ты на чемъ ѣдешь-то? крикнулъ онъ, наконецъ, мнѣ въ догонку.

Было бы бесполезно отвѣчать ему на такой вопросъ, и я ничего не отвѣтилъ. Проѣхавъ еще немного, я причалилъ къ живописной мѣстности, покрытой мелкими разноцвѣтными камнями. Повсюду,

куда ни взглянешь, огромныя буровато-зеленыя стѣны хвойнаго лѣса, сквозь чащу котораго виднѣлись сѣрыя груды бурелома.

Отдохнувъ немного, я привязалъ къ лыжамъ дорожку, причемъ вслѣдствіе быстрого движенія лыжъ, пришлось увеличить длину бечевы, прибавить груза и устроить поплавокъ.

Солнце еще было высоко, такъ какъ, я выѣхалъ изъ Вельска часовъ въ шесть вечера. Я плылъ все по той-же безконечной аллеѣ. Разноцвѣтными красками освѣщались крутые, обнаженные, безъ всякой растительности на сѣдой и желтой глинѣ, берега. Тишина стояла невозмутимая. Только, изрѣдка посвистывая, перелетывали съ берега на берегъ кулички, да осторожная гагара, далеко завидя лыжи, тяжело поднимаясь, била крыльями по зеркальной поверхности, освѣщенной горячими лучами солнца. Гдѣ-то да-

леко слышался крикъ рыболовки и замеръ въ горячемъ воздухѣ, пропитанномъ смолой и испареніями.

Но вотъ лѣсъ кончился. Больше двадцати верстъ тянулся онъ по берегамъ рѣки, наводя своимъ однообразіемъ безотчетную грусть. Показались огромныя мели золотистаго песку, разстилаясь до самой середины рѣки, которая, какъ-бы не желая встрѣчаться съ ними, убѣгаетъ въ сторону, подмывая противоположный берегъ вышиною въ нѣсколько десятковъ сажень. Вотъ вдали, на огромной песчаной косѣ, словно въ воздухѣ, виситъ силуэтъ большой рыбачьей лодки, стоящей на тонкихъ жердяныхъ подпоркахъ. Оглядываешься: никакого жилья кругомъ нѣтъ.

Солнце садится. На поверхности рѣки показалась рябь—съ сѣвера подуло свѣжимъ воздухомъ. Огибаю мысъ — утесъ, вершина котораго поросла густымъ хвой-

нымъ лѣсомъ. Словно шапка надѣтая на уродливую голову великана, погрузившагося по шею въ воду, чернѣлъ лѣсъ на голубомъ фонѣ неба. А здѣсь,halb, береговая круча съ растущимъ на ней лѣсомъ обсыпалась, обвалилась; деревья въ безпорядкѣ, съ вывороченными огромными корнями, раскиданы по сѣрому глинистому берегу. Казалось, здѣсь только что прошелъ опустошительный ураганъ, который безжалостно привелъ въ это хаотическое состояніе когда-то красиво и въ порядкѣ росшій лѣсъ. Но безпорядокъ-то этотъ и хорошъ. Краски свѣжи и ярки, и многія поваленныя деревья не переставали расти.

Картины кругомъ роскошныя. Дикія, чудныя мѣста! Неизгладимое впечатлѣніе оставили они въ моей памяти. Я помню тогда я сравнивалъ всю эту громаду растительной и минеральной жизни во всей ея почти дѣвственной красѣ съ жал-

кой, чахоточной, полумертвой подмосковной природой. Какая огромная разница! Тамъ человѣкъ рельефно выступаетъ изъ рамокъ окружающей его природы, здѣсь онъ кажется ничтожнымъ, слабымъ, однимъ изъ ея безчисленныхъ атомовъ.

Наступила ночь довольно свѣтлая, съ занимавшейся на востокѣ зарей. Я называю ночью время около двухъ часовъ, когда солнце, въ этотъ короткій промежутокъ, успѣетъ скрыться и вновь показаться на постоянно свѣтломъ горизонтѣ.

Я былъ уже верстахъ въ сорока отъ Вельска. Лѣса кончились, низкіе берега, поросшіе ивнякомъ и ольхой, раскрыли передо мною окрестности. Вдали на холмѣ, среди засѣянныхъ хлѣбомъ полей, виднѣлась бѣлая церковь Судромскаго погоста, направо, на береговой кручѣ, лѣпились домики маленькой деревушки. Заморосилъ дождь. Подулъ пронзительный, сырой вѣтеръ. Утренняя заря уже занима-